

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЭТАЛОНЫ В ПЕРЦЕПТИВНОМ ПРИЩУРЕ

И.И. Исаев

Институт языкознания РАН

isaev@iling-ran.ru

Русская речь родившихся и освоивших язык вне территории метрополии людей необычайно интересна сохранностью исходных отношений внутри системы, а также теми уступками, которые возникают под нажимом внешней авторитетной языковой системы. Однажды Андрей Александрович Кибрик рассказывал про язык Нинильчика, включал экспедиционные записи речи, а я пытался понять, что не так в фонетике этих таинственных людей. Мне показалось, что звучит просторечие с иным сегментным приспособлением звуков внутри слова, а не та диалектная речь, которую можно встретить в одном из регионов внутри России. Понять специфику коартикуляции нинильчиковской фонетики на слух мешала моя перцепция, настроенная на «русский» русский язык.

Вот несколько полевых заметок о том, как экспедиционные лингвистические ожидания и фонетические привычки могут вести диалектолога прямой дорогой к наивной интерпретации фактов языка.

Русские диалектные системы, имеющие в инвентаре гласных отдельные фонемы для выражения оппозиции close-mid (/e/, /o/) ↔ open-mid (/ɛ/, /ɔ/) с точки зрения носителя литературного варианта русского языка или того диалектного варианта, в котором нет двух средних подъёмов, часто воспринимается как система с open-mid-парой /ɛ/, /ɔ/. Аудирование материала неподготовленным человеком проявляет удивительную безразличность к абсолютно разным реализациям разных фонем в одной позиции. Например, этимологически обусловленная минимальная пара к[ó]шка — ок[ǔ]шко не опознается даже если имеет дифтонгические реализации фонем (к[уó]шка — ок[ǔ]шко). Во время подготовки к экспедиции у студентов, например, встраивание реальной диалектной системы /e/-/ɛ/, /o/-/ɔ/ в перцептивную картину литературного типа /o/-/ɔ/ прекращается после прослушивания отдельных сегментов гласных, вырванных из контекста слова. Динамическая спектрограмма сама по себе не способна убедить фонемный «слух».

Я тоже оказывался в ситуации наивного распределителя фонем среднего подъема, когда аспирантом начал ездить в экспедиции с опытными диалекто-

логами и ужасно стеснялся признаться, что не слышу никаких особых О и Э. Впрочем, для этого были другие причины: как позже выяснилось, моя бабушка была носителем такой сложной системы и я действительно не слышал особых реализаций, так как они были для меня обычны.

Известны случаи, когда даже опытные диалектологи пропускали важные классификационные явления, а про особенности фонетической организации диалекта им сообщали сами носители, имеющие лингвистические способности. В моём распоряжении также есть звучащие материалы, где информант рассказывает о том, что ему не хватает букв современного русского алфавита для передачи фонемного состава гласных.

Безударная позиция тоже полна перцептивных ловушек. Свежий пример из экспедиции 2022 года в Тотемский район Вологодской области. Местный краевед рассказывала, что работа по одному из проектов предусматривала полуфонетическую расшифровку текстов участниками гранта. Расшифровщики из других регионов России получали тотемский звучащий материал и возвращали странные тексты с нетипичным для северной фонетики яканьем типа [б'а]рѣза. Напомню, что в говорах северного наречия предударный [а] в позиции с'ас' если и употребляется, то в соответствии этимологическому *а. Мы себе объяснили это явление относительно просто. Дело в том, что в этих тотемских говорах предударный [э] в словах типа *берѣза* имеет иную, нежели в литературном, коартикуляционную структуру гласного, да и саму модель редукции. Литературный вариант предусматривает, во-первых, узкий и-образный гласный в первом предударном в таких случаях, а, во-вторых, сам литературный гласный [е] в позиции с'эс' будет иметь значительные фазы и-образной коартикуляции в экскурсии и рекурсии, что делает F2 этого гласного прогнутой. В тотемском же говоре F2 прямая, то есть иначе реагирует на палатализацию в левом и правом контексте. Кроме того, расположение F1 позволяет характеризовать этот гласный как незакрытый вопреки ожиданиям. Диалектный гласный [ε] в предударном слоге может оцениваться носителями другой эталонной стратегии как [æ], соответствующий литературному гласному в позиции с'ас'. Улыбнувшись ошибке расшифровщиков и своей проницательности, мы обратились к списку информантов, которых записывали на слух и обнаружили, что одни из лучших собеседников, внесённые в таблицу как Якимовы, оказались по паспорту Екимовыми... Вот так в очередной раз элементы новой системы через навязывание привычных дифференциаторов была разжалована до привычной модели.

Тут стоит вспомнить известное: чужие сложные системы вообще плохо поддаются перцептивному освоению в краткосрочной перспективе. Например, сложные модели диссимилятивного яканья с многофакторным распределением ударного и предударного гласного, как правило, соотносятся слуша-

ющими с условным сильным яканьем, хотя модели, например, сильного, жиздринского и архаического яканья разительно отличаются, да и гласный [’а] — не единственный в этих системах.

Продолжая тему аканья-яканья стоит сказать о том, что восприятие собственной диалектной речи носителем имеет любопытные закономерности. Например, дети, выросшие в фонетической традиции диссимильтивного аканья/яканья (это и качественные, и количественные отношения ударного и предударного гласного), почти не сохраняют яканья. Примеры яканья к-[с’а]лú, но [с’í]лá с базовым диссимильтивным распределением по качеству (подъёму) гласного теряются младшим поколением, а примеры диссимильтивного аканья удивительным образом сохраняются как в связке качества и количества, так и отдельно количественной диссимильтации: с[а]вú, но с[э]вá. Ответ, кажется, состоит в оценке носителем фонологического контраста этих двух пар [í]-[а], [э]-[а]. Несмотря на то, что в аканье и яканье реализуется одна и та же диссимильтивная модель, выразителями являются различные по контрасту элементы. Очевидно, что с точки зрения подъёма [í]-[а] контрастнее, чем [э]-[а]. Контрастнее — значит заметнее.

Бывают пары со сниженным контрастом. Для яканья это [е]-[а] и даже [еæ]-[а], для аканья это [в]-[а], что является, как мне кажется, эволюционным соглашательством и фонетическим отступничеством, которое демонстрирует возможность постепенного устранения диссимильтивного качественного контраста вовсе. А разные долготы могут при этом и не исчезать.

Эти отчасти сегментные, а отчасти сверхсегментные особенности в южных говорах питают еще один миф восприятия. Широкий [а] перед верхними ударными гласными (с[а]вú, тр[а]вú, например) у студентов, впервые услышавших эту особенность, может вызывать вопрос о... месте ударения в слове! И в транскрипции ударение, действительно, может быть поставлено на первом предударном гласном. Причина неверной оценки объясняется тем, что сила предударного гласного, его длительность, соотношение F1-F2, а также «плотность» размещения резонансных максимумов на сигнале у такого гласного («толщина» и «чернота» формант) при спектрографическом анализе говорит о том, что перед нами ударный гласный. В таких говорах, действительно, может встречаться первый предударный гласный, у которого сверхнормативно широкий челюстной угол (очень открытый гласный) и нетипичная для «литературного уха» долгота. После этого экспедиционного сюжета я окончательно перестал понимать фонетическую природу русского ударения! Собственная длительность и сила различных гласных, оцениваемая говорящим как важнейшие компоненты ударения, в этих говорах разбиваются о дополнительное распределение в рамках диссимильтивного принципа.

Последний этюд о согласных. Мы знаем, что одним из китов русского консонантизма является категория твёрдости-мягкости, которая охватывает большую часть согласных и артикуляционно выражается преимущественно в веляризованности-палатализованности языка при артикуляции. Лишь небольшая периферийная часть согласных не включена в эти отношения. Акустический навык различения твёрдых и мягких формируется на базе этих артикуляционных навыков и очень сильно влияет на оценку систем, где эти отношения устроены иначе. Диалектных систем, где отличается число единиц, вовлеченных в противопоставление много. Но самое интересное возникает тогда, когда отличия качаются не количества единиц, включенных в бинарные оппозиции, а незначительный с точки зрения оппозиции параметр — механизм выражения отношений твёрдости-мягкости. Чаще всего различия связаны с местом артикуляции согласного. Чемпионы по вариативности — переднеязычные согласные, именно они порождают наибольшее количество сложных случаев. С точки зрения литературной нормы существует два полюса в таких отношениях согласных — недостаточная палатализованность и избыточная палатализованность согласных, которые тоже имеют своё артикуляционное объяснение. Гиперпалатализованные согласные артикулируются в постальвеолярной области, что смещает артикуляционный фокус назад и делает щель более короткой, что формирует акустический эффект «шепелявых» согласных и не вызывает перцептивной сложности. Восприятие же «недопалатализованных» опирается на более сложную основу. Переднеязычная артикуляция в постальвеолярной зоне достигается не за счет создания «горбатой» артикуляции палатализации, а в результате вертикальной позы апекса, что сопровождается прогибом вниз средней части языка: твёрдый — ламинарный переднеязычный, а мягкий — апикулярный постальвеолярный. При такой артикуляции мягкого, например, согласование с передним гласным в правом контексте становится необычным: акустически немягкий согласный + непередний гласный или акустически немягкий согласный + дискретный выразитель мягкости + непередний гласный.

* * *

Всё вышесказанное, особенно в случаях категорического несогласия, стоит отнести на ответственность юбиляра, подтолкнувшего к размышлениям о неочевидном.

С днем рождения, Андрей!

Л и т е р а т у р а

Bergelson M.B., Kibrik A.A., Leman W. 2014. *Ninilchik Russian: The First Language of Ninilchik, Alaska*. Lulu Press.